

Слово об Учителе Колиберском

Личность

Шесть десятилетий он по утрам, задолго до начала занятий, направлялся в школу. Неторопливо вышагивая по тротуару, он то и дело приподнимал шляпу и учтиво кланялся почти каждому встречному, отвечая на почтительные приветствия своих бывших учеников или их родителей. Из потомственных горожан не было, пожалуй, никого, кто не знал старого учителя. Было в его облике нечто такое, что даже незнакомый человек мог безошибочно определить его профессию.

Николай Николаевич был выше среднего роста, поджарый, стройный. Даже в старости почти не сутулился, сохранял стройную осанку, несуетливую, почти ритмически отлаженную походку. Небольшая, хорошей формы голова. Редкие русые волосы долго не подпускали к себе седину, и даже, когда ему было около семидесяти, он седым не казался. Светлосиние глаза светились добротой и мягкостью, но зато пышные гусарские усы придавали его лицу некоторую строгость и важность. Одевался неизменно строго и скромно: темный костюм, белая сорочка с неярким галстуком, черные ботинки, на которые осенью и зимой надевались калоши.

Мы познакомились с ним в 1964-м году. К тому времени это был уже широко известный учитель. Его имя не раз называлось в местной и центральной печати. Наиболее солидный и многотиражный журнал “Народное образование” Министерства просвещения поместил на внутренней стороне своей обложки портрет Колиберского и теплое приветствие учителю в связи с его 60-летием. Одним из первых в послевоенные годы он был удостоен почетного звания “Заслуженный учитель школы РСФСР”.

Как-то в газете “Известия” о Колиберском был помещен большой и интересный очерк. Московская журналистка, побывавшая в Пскове, рассказала о своем знакомстве с Николаем Николаевичем, который оказался ее гидом в экскурсиях по городу. Автор очерка сравнивала своего героя с чеховским доктором Астровым, находила в нем черты, роднящие его и с самим Чеховым. Она сумела вычленить в личности Колиберского удивительную мягкость и деликатность, тонкий вкус и особый талант по-своему увидеть, понять и раскрыть суть окру-

жающего мира. Все в нем было естественно: галантность, учтивость, терпимость к человеческим слабостям, интеллигентность и демократизм. Николай Николаевич был сродни той лучшей части русской интеллигенции, вышедшей из разночинной среды, которая жадно стремилась к знаниям, верой и правдой служила своему народу.

Колиберский – сын священника, коренной пскович. Всю свою долгую жизнь прожил в Пскове. Лишь в годы войны – с 1941-го по 1944-й – эвакуировался с семьей в Удмуртию. Сразу же после освобождения Пскова вернулся в родной город и был среди тех псковичей, которые возрождали его из руин и пепла. Наш древний город старый учитель любил беззаветно. Он знал в нем каждую улицу, любой переулок, проезд, помнил, где до вражеского нашествия стоял тот или иной дом, кто жил в нем до и после революции, безошибочно вспоминал дореволюционные названия улиц, переулков, площадей: Троицкая, Плоская, Сергиевская, Кузнецкая, Пароменская, Петровский посад, Набат ... Он помнил всех именитых граждан вольнолюбивого города, знал его бурную, героическую историю, часами мог рассказывать о Детинце, храмах и монастырях, об особенностях псковского зодчества.

С 1907-го по 1915-й год Николай Колиберский учился в Псковской губернской мужской гимназии. И более полувека спустя без всяких усилий вспоминал имена и прозвища гимназических учителей, озорные песни, проделки и забавы гимназистов.

Псковская мужская гимназия – ныне средняя школа № 1 – одна из старейших школ России: осенью 1986-го года она отметила свой 200-летний юбилей. Среди тысяч ее питомцев – целое созвездие выдающихся, талантливых выпускников, внесших свой неоценимый вклад в отечественную науку и культуру, видных революционеров, крупных руководителей промышленности, доблестных офицеров армии и флота. Судьба распорядилась таким образом, что именно Колиберскому, с его неимоверно гибкой и цепкой памятью, выпала счастливая доля осуществить связь времен и гимназических поколений. Он застал в гимназии и хорошо запомнил Юрия Тынянова, Льва Зильбера, Августа Летавета. Эти незаурядные юноши были закадычными друзьями и признанными лидерами в гимназической среде. Закончив обучение в 1912-м году, они пронесли свою дружбу через всю жизнь. Ю.Н.Тынянов, как известно, стал талантливейшим писателем и проницательным филологом-исследователем; Л.А.Зильбер – крупнейшим имmunологом и вирусологом, получившим мировое признание; А.А.Летавет, как и Зильбер, был действительным членом Академии медицинских наук, директором Института гигиены. Кстати, Август Андреевич Летавет был не только знаменитым ученым, но и выдающимся альпинистом.

Однажды, рассказывал Николай Николаевич, директор гимназии пригласил священника Колиберского и сказал ему: “Ваш Николенька не поспевает за сверстниками в математике. Найдите ему репетитора. Рекомендую Вам гимназиста седьмого класса Владимира Брадиса, очень способный юноша”. Преодолевать трудности в овладении математикой маленькому гимназисту Колиберскому помог будущий Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор педагогических наук, профессор, автор знаменитой Таблицы логарифмов – Владимир Модестович Брадис.

В одном классе с Колиберским учился Леон Поземский, закончивший гимназию в 1915-м году с золотой медалью. Участник первой мировой войны, прапорщик Поземский стал отважным революционным бойцом, первым организатором комсомола на Псковщине. В 1919-м году, защищая город от вешателей Булак-Булаховича, он погиб, героически приняв мученическую смерть. На площади Павших борцов в его честь установлен гранитный обелиск, его именем названа одна из городских улиц. Средняя школа №1 носит имя Л.Поземского.

В 1912-м году, когда Николай Колиберский был уже гимназистом пятого класса, в гимназию был принят младший из семьи Зильберов – Вениамин, ставший одним из наиболее замечательных советских писателей, в котором своеобразный талант и величайшее трудолюбие сочетались, что не так часто встречается, с неколебимыми представлениями о долге и чести. Вениамин Александрович Каверин любил свой город неизменно и преданно, по-сыновьи. В 1919-м году он выехал с семьей в Москву, но о Пскове никогда не забывал, тосковал по нему в разлуке и к редким поездкам в город своего детства относился как к важнейшим событиям жизни. Во многих произведениях писателя мы с радостью узнаем неповторимый облик старого города, его улицы, набережные, мосты, сторожевые башни. В начале семидесятых годов, когда писатель приступил к работе над трилогией “Освещенные окна”, он приехал в Псков. Понадобилось многое уточнить, поработать в архивах, встретиться со старожилами, побывать в 1-й школе. Именно тогда близко познакомились два бывших гимназиста – Николай Колиберский и Вениамин Каверин.

Трогательно и любопытно было наблюдать за их нескончаемым диалогом: два пожилых человека и в школьных рекреациях, и во время прогулок по улицам, набережным, наперебой восстанавливали в своей памяти картины далекого прошлого, вспоминали своих учителей, сверстников, их странности, привычки, забавные и незабываемые случаи из гимназической жизни. Вениамина Александровича интересовали любые детали, подробности, причины явлений и событий, происходивших в ту пору, ему важно было сверить собственные представления о людях, о которых собирался писать, и,

В.В. Синькова, Л.Г. Ротгенгер – коллеги из Первой псковской школы – исполняют песню “Учитель”

разумеется, лучшего собеседника для этой цели, чем Колиберский, нельзя было и пожелать. Позже в “Освещенных окнах” Каверин тепло расскажет о Колиберском и воздаст должное его удивительной способности сохранять в памяти и воспроизводить все увиденное и услышанное: “Память его, фотографическая, объективно-рельефная, меня поразила. Он помнил все – и то, что касалось его, и то, что не касалось”.

В 1923-м году, когда Колиберский был уже учителем с пятилетним стажем, обучение в 1-й школе закончил Исаак Кикоин, ставший впоследствии действительным членом Академии наук СССР, дважды Героем Социалистического Труда, многократным лауреатом Ленинской, Сталинской и Государственной премий, награжденным семью орденами Ленина. Этот выдающийся физик-атомщик, один из ближайших помощников И.В.Курчатова, был удивительно чуток к поэтическому слову, хорошо знал и высоко ценил классическую литературу. Своего учителя словесности Николая Николаевича Колиберского Исаак Константинович всегда помнил и чтил. На юбилейном вечере, посвященном 180-летию со дня основания школы (1966-й год), академик тепло и сердечно приветствовал Николая Николаевича, назвал его, напомнив восточный обычай почитания, своим “Господином и Учителем”.

Как-то весной 1964-го года (я тогда был директором Псковской школы-интерната № 2) мы обратились в Псковское бюро путешествий

и экскурсий с просьбой познакомить воспитанников с историческими памятниками города. Общеизвестно, что ребята в школах-интернатах озорные. На экскурсию направлялось два класса, около семидесяти человек, из которых две трети – мальчишки. Тревожась, сумеют ли молодые женщины-воспитательницы сдерживать бьющую через край энергию подростков, решил пойти вместе с ними. Беспокойство было вызвано еще и тем, что в качестве экскурсоводов выступали, как правило, юные особы женского пола. Мы привели своих ребятишек на площадь перед Троицким собором и стали ждать. Точно в назначенное время к нам вышел из здания экскурсионного бюро моложавый, статный старик и, улыбнувшись всем, учтиво поклонился двум нашим воспитательницам, пожал руку мне и представился: “Колиберский Николай Николаевич”. – “Очень рад с Вами познакомиться,– сказал я ему,– много о Вас слышал!” Николай Николаевич любезно ответил, что с большим интересом наблюдает за моей работой в интернате. “Ну, ребятушки, пошли? ”– спросил Колиберский,– и мы отправились вслед за старым учителем в глубины истории...

Псков – один из древнейших и прекраснейших городов России. О его гордых и свободолюбивых мастеровых людях и отважных воинах сохранилось немало легенд и сказаний. О многом я слышал, кое-что знал. Но ни до этой прогулки в прошлое с Колиберским в обществе притихших ребят, ни после нее я никогда не слышал, чтобы с такой увлеченностью и достоверностью еще кто-нибудь мог воссоздать неповторимый облик Пскова. Помню, невольно на мгновение отвлекаясь, ловил себя на мысли: в рассказе сменяются события, эпохи, люди, неизменным остается лишь летописец – Колиберский. Но это был не только летописец, рассказчик, но и бард. Все трагические и радостные события в истории города он не только осмысливал разумом, памятью, но и пропускал через любящее сердце. Подумалось и о том, что Николай Николаевич Колиберский, может быть,– самая большая достопримечательность из тех, которые повстречались нам в этот день в Пскове...

О Н.Н. Колиберском, как и о всяком незаурядном человеке, распространялось немало слухов, часто преувеличенных, нередко и справедливых, вызванных некоторыми его слабостями, но слухи эти не уменьшили ни уважения, ни интереса к его личности.

Псковский Кремль

“А я с этим не согласен!”

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов началось грубое, некомпетентное вмешательство в учебно-воспитательный процесс средней школы, от которого, впрочем, она не избавлена и сейчас. Дилетантски перекраивались учебные программы, резко сократилось число уроков на изучение гуманитарных дисциплин. Под трескучие речи о “научной организации труда” (НОТ) недопустимо снизились требования к качеству обучения, а, следовательно, и к нравственной позиции учителя. Появились школы, а позднее и целые города и районы, достигшие “полной” – стопроцентной – успеваемости. Их “опыт” усиленно распространялся и внедрялся.

В советской школе немало умных и талантливых учителей, и если в литературе и в кинематографе бытует стереотип учителя-педанта и невежды, так это происходит потому, что мы плохо знаем школу, позволяем судить о ее работе людям некомпетентным, случайным, а система инспектирования деятельности педагогического коллектива, сложившаяся в органах народного образования, не выдерживает никакой критики.

Конечно же, судить о работе школы никому не запретишь: она у нас общенародная. Дух и тон, царящие в ней, ее педагогическая культура, достоинства и недостатки видны и детям, и родителям, всему

обществу. И, вместе с тем, школа – очень сложный и тонкий организм, не терпящий неразумного и бес tactного вмешательства в свою жизнь. Ее деятельность основана не только на множестве инструкций и регламентаций, но и на неписанных законах. Именно поэтому работу школы, учителя должен проверять государственный инспектор, имеющий большой педагогический опыт и наделенный особыми правами.

...Обо всем этом мы и судачили с Николаем Николаевичем, устроившись в последнем ряду, “на галерке”, в большом зале Дома политического просвещения, где проводилось традиционное августовское учительское совещание. Никакого интереса к тому, что происходило в зале, мы не испытывали. Один за другим выходили к трибуне учителя и руководители школ и читали заблаговременно заготовленные и начальством проверенные речи о том, как внедряется в практику “липецкий метод” обучения школьников. Докладчиков и выступающих в прениях почти никто не слушал. Учителя беседовали друг с другом отнюдь не о липецких открытиях, а о том, что наболело. Не так часто удается учителю, обремененному бесконечными заботами, просто так посидеть рядом с товарищем и хоть вполголоса вести непринужденный разговор. Впрочем, замечено, что учителя в любом обществе, и даже за праздничным столом, словно одержимые особым недугом, вечно говорят о своих школьных делах.

Но вот очередной оратор покинул трибуну. Председательствующий в очередной раз попытался усовестить слушателей, а затем предоставил слово Н.Н.Колиберскому. Старый учитель быстро прошел через весь зал, поднялся на сцену и остановился возле трибуны. Он молча оглядел притихший зал и вдруг, ни к кому не адресуясь, страстно произнес: “Воспитатель – не чиновник, а если он чиновник, то он не воспитатель”, – так говорил великий Ушинский. – Больно говорить об этом, но я все больше убеждаюсь, что мы, кощунствуя, предаем забвению заветы нашего великого педагога.” Чуть выждав, он продолжал: “Я постоянно слежу за нашей педагогической прессой. Она вся сейчас устремлена в Липецк, как еще совсем недавно была нацелена на Казань и Ростов. Вот и здесь сегодня наши коллеги со старанием, достойным лучшего применения, уверяют нас в универсальности усвоенного ими “липецкого метода”. Давайте, други мои, попытаемся разобраться, в чем суть “новой” методы, внедрению которой уделяется столько внимания? Уплотнить урок до предела. С первой до последней секунды учить только предмету. Индивидуальный опрос заменить общей практической работой. Исключить из урока так называемый “организационный момент” и т.д. и т.п. А я с этим не согласен! Я с этим согласиться не могу! – запальчиво заявил Колиберский и с каким-то лихим озорством крутанул и вскинул пальцами кверху правый ус.

Учителя, слушавшие Николая Николаевича, затаив дыхание, бурно зааплодировали.

“Во-первых,— продолжал Николай Николаевич,— попытка унифицировать сложнейший интеллектуальный труд, в котором решающую роль играет личность учителя, по какому-то единому — липецкому ли, казанскому или ростовскому образцу — сама по себе нелепа. Во-вторых, разве в Липецке впервые открыли необходимость добротно учить детей и не терять попусту время на уроках? Разве не этому учили нас Коменский и Ушинский? Разве в начальной школе Ушинского не было “проговаривания” и “комментирования”, которые сейчас нам преподносят в качестве новейшего открытия? Почему я должен работать непременно по чьему-то, пусть даже удачному, методу? Послушайте! — Николай Николаевич открыл страничку в своей записной книжке и прочитал: “Всякий преподаватель может выработать свои собственные приемы, которые потому уже хороши, что самостоятельны”. Почему мы пренебрегаем этим важнейшим заветом Константина Дмитриевича Ушинского? Овладение мастерством подобно восхождению на крутую вершину. Ты можешь опираться на отобранный тобою опыт лучших коллег, но тропинку к вершине проложи сам, свою.

Обязательными для учителя являются содержание и принципы обучения, а методы и приемы, которыми будет пользоваться, он должен выбирать сам. Содержание обучения заключено в программах, а принципы, которыми следует руководствоваться, определены Ушинским с предельной простотой и мудростью: “В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, — постоянная разумная деятельность”.

Мне, учителю словесности, который должен научить детей мыслить, творить добро, сопереживать, ценить прекрасное, навязывают методу, по которой, едва войдя в класс, я обязан скомандовать учащимся: выполнить упражнение номер ...! А я привык начинать урок иначе. Я осматриваю класс, вглядываюсь в ребячье лица, отмечаю в журнале отсутствующих, спрашиваю, как себя чувствует такой-то, его уже несколько дней не видно в школе, выясняю, навестили ли его сверстники, оказывается ли ему помочь? На это уходит около двух минут. И разве эти две минуты сочувствия и внимания менее важны в обучении и воспитании, чем прагматическая педантическая “деловитость”? Я знаю своих учеников, знаю, что и как им следует преподнести, знаю и свои возможности. Не сомневаюсь, что все успею сделать, поспешая, но не торопясь. Это мой метод. И если вам надо непременно как-то его назвать, назовите его псковским!”

Радостно возбужденные учителя дружно рукоплескали старому учителю, а он, молодо улыбаясь, прошел через весь зал к последнему ряду, “на галерку”.

На первом уроке у “старого чудака”

К тому времени, о котором идет речь (1965 г.), школа-интернат №2, где я работал, была вполне приличным учебным заведением. В ее становление было вложено немало сил. Дружно, с высоким чувством ответственности, трудились учителя и воспитатели. Оттаяли сердца наших воспитанников-сирот и полусирот: им стало интереснее жить и учиться. В школе появились традиции. Ребята много путешествовали. Вместе с неутомимым следопытом воспитателем Николаем Семеновичем Бабуриным они совершили много походов по родному краю, по местам боевой славы. На Псковщине и за ее пределами шла добная молва о нашем Пушкинском клубе, в котором уже побывали в качестве гостей Ираклий Андроников, Ярослав Смеляков, Семен Гейченко, здравствующие потомки Пушкина и много других интересных людей, съезжавшихся в Псков и Михайловское в Дни поэзии. Конечно, было много трудностей, но настроение сохранялось оптимистическим.

О Первой средней школе, ее историческом прошлом я почти ничего не знал. Впрочем, не об этом шел разговор, когда мне неожиданно предложили оставить интернат и перейти в бывшую гимназию, переживавшую в ту пору серьезный спад. Заведующая Горено И.Д.Журавлева откровенно охарактеризовала обстановку, сложившуюся там. В последние годы неудачи преследовали школу. В 1964-м году освободили директора. С приходом нового руководителя положение за год еще более обострилось. Школа большая, свыше полутора тысяч учащихся, более восьмидесяти учителей. Недавно три подростка за бродяжничество и дерзкое хулиганство направлены в детскую исправительную колонию. Варварски вспороты ножами почти все сидения и спинки полумягких стульев в актовом зале; злобно замаранные стенды на стенах, выкрашенных в мрачные тона; обезображеные туалеты... В большом педагогическом коллективе, где было немало опытных и способных учителей, не было единства.

Трагедия любой школы начинается с того, что учителя во всех бедах винят детей и их родителей, и тогда дети перестают любить школу, а родители лишают доверия и уважения наставников. Со мною побеседовали в горкоме КПСС, в Облоно, а затем направили к инспектору, курирующему школу. Инспектор, мощная дама с густым

басовитым голосом, резкими движениями и не менее резкими суждениями, старается императивно, хотя и достаточно искренне, определить линию моего поведения в школе: этого – “прижать”, того – “убрать” и т.д. Когда речь зашла о Колиберском, руководящая дама с раздражением потребовала: “Постарайтесь как можно скорее избавить школу от этого старого чудака! Новых методов не приемлет, а старыми ничему не научишь”.

Разговор этот, помнится, оптимизма мне не прибавил. Поблагодарив за “необыкновенно ценные указания”, пообещал, что постараюсь ими воспользоваться, как только изучу деловые и личностные особенности учителей.

Прошло несколько месяцев напряженного труда. На первом педагогическом совете, в сентябре, были определены причины неудач, лихорадящих школу, договорились о мерах и принципах сплочения учителей и учащихся а единий общешкольный коллектив.

На многолюдных встречах с родителями шел откровенный разговор о единстве наших целей. Мы разъясняли родителям, что школа, где учатся дети, – это и их школа, а учителя – ближайшие друзья и единомышленники. Родители с искренним желанием включились в подготовку к юбилею – 180-летию школы. Состоялись откровенные беседы со старшеклассниками. Истосковавшиеся по серьезному делу ребята высказали много интересных предложений по проведению школьной годовщины и взяли на себя ответственность за наведение порядка в школе и в микрорайоне. Классы знакомились со славным прошлым своей школы, стали переписываться с известными ее выпускниками, начали поиск, в ходе которого узнали об удивительных судьбах бывших гимназистов и школьников, тесно переплетавшихся с важнейшими вехами в истории России. Выпускники прошлых лет, среди которых были живы еще и такие, кто вышел из стен школы в начале нынешнего столетия, на письма из школы отзывались с радостным волнением и готовностью непременно прибыть на юбилей. Они присыпали в школу все новые адреса. Каждое их письмо было проникнуто любовью к школе, уважением к учительскому труду. Таким образом школа получила неиссякаемый источник воспитания “добрых чувств”.

Педагогический совет и общественные организации обратились в вышестоящие инстанции с ходатайством о присвоении школе в связи со 80-летием имени Леона Поземского. Созревали замыслы (вскоре осуществленные) о создании Клуба юных капитанов, в котором ребята могли бы “бороться и искать”, закалять свою волю, учиться мужеству. Мы мечтали о своем школьном военно-спортивном лагере на неоглядном Псковском озере, о ялах, на которых юные капитаны могли бы уходить в дальние походы на веслах и под парусом. Ребята с

большим интересом овладевали флаговым светофором, учились вязать морские узлы. У них появились свои Законы, основанные на непреходящих идеалах дружбы и товарищества, своя песня. В осуществление этой мечты вложили много сил сами старшеклассники под руководством учителей – А.А. Заикиной, Л.Г. Ротгенгер. Р.А. Серкова, В.В. Синьковой. Неоценимую помощь оказывал школе шефствующий над нею ремонтный завод во главе с директором В.Я. Самоляком. В жизни школы происходили отрадные перемены. Они пришли по душе всем, особенно Н.Н. Колиберскому.

Завершалось первое полугодие 1965-1966 учебного года. За прошедшие четыре месяца занятий я успел познакомиться со всеми учителями, получил первые, пусть еще недостаточно полные, представления об их профессиональных возможностях, побывал на уроках. Не был я только на уроках у Колиберского. Испытывая искреннее уважение к старому учителю, я невольно вспоминал бескомпромиссную оценку его деятельности, данную инспектором Горено, и опасался встречи с ним на уроке, хотя и понимал, что встреча эта неизбежна. И вот как-то хмурым декабрьским утром, когда мы с Николаем Николаевичем оказались наедине в учительской, я мягко выразил пожелание пойти к нему на урок. “Милости прошу, – приветливо отозвался учитель, – я Вас давно жду!”

С того памятного дня прошло уже много лет, но хорошо помню, что это был урок в девятом классе. Ребята встали, приветствуя нас, учитель прошел к своему столу, а я, как это принято, устроился за последней партой, раскрыл свою “Тетрадь для записи и анализа посещенных уроков” и приготовился записывать.

Колиберский быстро, но без суеты покончил с необходимыми формальностями, предваряющими начало занятий, затем вышел из-за стола и с какой-то особой доверительностью сказал: “Ребятушки! Мы сегодня проведем еще час в обществе нашего соотечественника Николая Гавриловича Чернышевского, в мире его образов и идеалов. Прошлый урок убедил меня, что роман всеми прочитан, меня радует ваш глубокий интерес к его героям, восхищение беспримерным подвигом автора. “Новые люди” и “особенный человек” рождены в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, в условиях невероятных лишений, в перерывах между допросами, во время голодовок. Но, может быть, не это самое существенное. Ведь “новых людей”, подобных Лопухову и Кирсанову, можно было уже встретить среди современников Чернышевского, а в самом Чернышевском вы находили много общего с Рахметовым. Вы, конечно, помните миф о Промете? Так вот Николая Гавриловича недаром сравнивают с этим мифическим героем Эллады: поистине фантастической силой духа и даром предвидения

надо было обладать, чтобы в сыром и мрачном каземате крепости нарисовать удивительные картины светлого будущего своего народа.

Напомните мне, пожалуйста, в какой части романа даны развернутые картины жизни общества будущего?

— В четвертом сне Веры Павловны.

— Да, именно там! Вот четвертому сну Веры Павловны мы и посвятим урок.

Так, помнится мне, урок этот начался. И уже с первой минуты я был пленен необычностью тона, теплотой общения между учителем и учениками. С горячей заинтересованностью, мгновенно откликаясь на четко поставленные вопросы, девятиклассники отыскивали, читали и комментировали страницы и абзацы, изображающие идеальное общество.

...Там живут красивые, сильные, раскованные люди. Труд стал их внутренней потребностью и основой подлинного процветания. Их деятельность рациональна и плодотворна. Они отодвинули границы пустыни, осваивают новые земли. Труд для них – источник радости и удовлетворения. Вот группа людей убирает урожай с густой, изобильной нивы. На их лицах ни тени усталости, недаром, трудясь, они поют: самые тяжелые и сложные работы выполняют машины, созданные их свободным гением.

...В этом обществе торжествуют законы разума и справедливости, в нем нет обездоленных и несчастных. Обязанности здесь распределены четко: применение своим силам находят и стар, и млад. Духовные запросы людей очень высоки, интересы разнообразны.

...Они живут в просторных удобных жилищах, в которых много света и тепла, так как основными строительными материалами являются стекло и алюминий.

...В их городах много скульптур, музеев, парков, дворцов. Люди будущего интересно организуют свой досуг, непринужденно веселятся, глубоко разбираются в произведениях искусства, сами охотно творят...

Все это учащиеся находят в романе, учитель их изредка дополняет. Но если учащиеся, аргументируя, зачитывают страницы из романа, учитель воспроизводит тексты наизусть.

На несколько минут Колиберский выводит класс из “сна” Веры Павловны: он просит вспомнить положение крестьян по произведениям Радищева и Некрасова. И ребята вспоминают убогие, курные избы, окна в которых вместо стекол – бычьи пузыри; шестидневную барщину, нищету, непосильный труд, злой рок солдатчины... Они читают отрывки из Некрасова. “Кушай тюрю, Яша, молочка-то нет”. “Беден, нечесан Калинушка..., с лаптя до ворота шкура вся вспорота, пухнет с мякины живот”; “В деревне Босово Яким Нагой живет, он до смерти работает, до полусмерти пьет!”

И снова Чернышевский, снова проблемы, поставленные в романе.

Делаются смелые обобщения. Выдвигаются предположения, о чем мог и о чем не мог в тех условиях сказать величайший народный заступник. Увлеченность ребят заметно радует учителя. Он искусно направляет их юношеский пыл, не суетится, не подгоняет, не вымогает, во-время приходит на помощь и стремительно движется вместе со своими питомцами вперед.

Я и не заметил, как пролетело время. Николай Николаевич попросил ребят вдуматься в вещие, полные светлых надежд слова: “Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему... работайте для него, приближайте его, перенесите ~~из~~ него в настоящее все, что можете перенести”. Учитель поблагодарил ребят, оценил их знания и велел дома выучить наизусть отрывок “Будущее светло и прекрасно...” и подумать, почему общество будущего “снится” именно Вере Павловне, а не другим героям?

Резко и неожиданно прозвенел звонок. Николай Николаевич отпустил учащихся, и мы, неторопливо спускаясь по широкой лестнице, направляемся ко мне в кабинет. По пути машинально отвечаем на приветствия школьников, с шумом выбегающих на перемену из классов. Мы о чём-то разговариваем, я с трудом поддерживаю разговор, отвечаю невпопад: впервые за всю свою уже достаточно продолжительную директорскую практику испытываю растерянность перед предстоящей беседой с учителем. Не знаю, как буду разбирать этот необычный урок. Во-первых, увлекшись, я не записал в свою тетрадь ни единого слова. Кроме того, лихорадочно припоминая, как складывался урок, я не мог в нем выделить традиционно принятые этапы: опрос, сообщение новых знаний, закрепление изученного материала, и, следовательно, не мог определить, достаточно ли рационально распределено время на указанные компоненты. Мелькали, помню, и такие полярные суждения: не все учащиеся участвовали в диалоге с учителем. Да, это так, мысленно возражал я себе, но неподдельный интерес и внимание к происходящему я видел на лицах всех девятиклассников, и молчавших – тоже.

Ну, хорошо! О чём же мне говорить при анализе урока? Как определить его тип? Какие дать рекомендации учителю? Опроса не было. Как усвоили учащиеся предыдущий урок, неизвестно. Этап сообщения нового не выделен. А закрепление? В какой мере на этом уроке выдерживался основной дидактический принцип – “Повторение – мать учения”? Но внутренний голос опровергал мои же доводы. Вспомни! Более двух десятков учеников добровольцев, активно участвуя в разговоре об обществе будущего, показали полную осведомленность в содержании романа, глубоко понимали социальные и нравственные позиции автора. Следовательно, учитель, вводя

учеников в новую тему, проверил, как они усвоили материал прошлых уроков! Зачем же специальный опрос?

Значит, все на уроке сделано, но сделано необычно и настолько интересно, что даже ты, достаточно искушенный учитель словесности, испытал подлинную радость. Впрочем, это потом, значительно позднее, мне удалось полностью осмыслить все, что я увидел и услышал на уроке, а тогда... Мы вошли в кабинет и оба, молча, с видимым удовольствием закурили. Обычно я начинал разбор прослушанного урока с того, что предлагал учителю кратко сообщить, какие цели он перед собойставил; как, по его мнению, ему это удалось; чем не удовлетворен, а затем сам приступал к анализу достоинств и недочетов урока. На этот раз, не зная, с чего начать, я попросту молчал до тех пор, пока не перехватил тревожный взгляд учителя. Решение пришло мгновенно: урок разбирать не надо!

“Спасибо Вам, Николай Николаевич, – сказал я, – все было необыкновенно хорошо! С Вашего разрешения мы этот урок разбирать не будем. По одному уроку судить о работе трудно. Скоро побываю у Вас еще, и тогда мы побеседуем”. Калиберский пристально посмотрел мне в глаза и вдруг горестно спросил: “Ну, что ж, голубчик, пора мне собираться?”

— Простите, не понимаю Вас. Куда собираться?

— Из школы. На пенсию. Мне, впрочем, такой совет уже давали.

— Ну что Вы такое говорите, Николай Николаевич, дорогой! На какую пенсию? Вы – лучший учитель литературы из всех, кого я встречал. Вы – учитель по рождению и призванию. И давайте договоримся вот о чем, – строго сказал я ему в заключение, – до тех пор, пока работаем вместе, о пенсии Вы заговаривать со мной не будете!”

Старый учитель изумленно посмотрел на меня, постарался незаметно смахнуть непрошенную слезу с посветлевших глаз и, прощаясь, задержал мою руку в своей еще очень крепкой руке...

Н.Н.Калиберский отработал в школе еще более десяти лет.

“Секреты” мастерства

Впоследствии я посетил немало уроков литературы Николая Николаевича, и каждый из них был по-своему хорош, а некоторые запомнились на всю жизнь. Ставяясь постичь “секреты” очарования, которыми владел учитель, я вскоре понял, что они, эти “секреты”, состоят совсем не в том, что он выработал, изучил какие-то особые

приемы обучения. Все дело в учителе, в его обаянии, сочетающемся с необыкновенной эрудицией, литературной образованностью. Дар импровизации, столь присущий ему, был основан на глубочайшем понимании исторического и, вместе с тем, литературного процессов. Начиная знакомство учащихся с писателем и его творчеством, Николай Николаевич по-своему, оригинально, обозначал политические течения и общественные веяния эпохи, называл не встречающиеся в наших пособиях имена общественных и политических деятелей, давал им краткие запоминающиеся характеристики, искусно формировал представления учащихся о социальных явлениях, состоянии образования и культуры. Учитель так ярко и убежденно рассказывал обо всем этом, словно всему был сам свидетель и происходило это у него на глазах. Он помнил и мог воспроизвести наизусть невероятное количество стихотворных и прозаических текстов.

Свободное владение материалом позволяло Калиберскому импровизировать в формах и методах обучения, избегая банальности и примитива, вызывающих оскомину. Однажды урок начинался вводной беседой, после которой класс разыскивает в тексте литературного произведения подтверждения высказанным положениям. В другой раз учащиеся делятся впечатлениями от прочитанного, а затем учитель подводит итоги, обобщает и углубляет их представления. При изучении произведения драматургии класс нередко напоминал артистическую труппу, проводящую репетицию. Николай Николаевич любил, когда учащиеся спорят по прочитанному и задают вопросы и потому часто проводил уроки-диспуты, умело подливая, как он говоривал, “масло в огонь”. Но, несомненно, главным оружием в арсенале учителя Калиберского, которым он владел в совершенстве, было слово. Слово учителя, которое делает его речь сочной, выразительной, впечатляющей, логически последовательной, – позволяющее точно и ярко выразить мысль. Такая речь сама по себе – искусство и, следовательно, неоценимое средство обучения и воспитания. Недаром старшеклассники любили уроки-лекции Николая Николаевича и заслушивались ими.

Неотразимая сила этих уроков была не только в том, что учитель владел приемами риторики, мастерски аргументировал положения лекции большим количеством литературных текстов, воспроизводимых с необычайной выразительностью. Тончайший лингвист, он умел глубоко проникать в особенности структуры языка того или иного художника и пронизывать этими особенностями собственную речь. При изучении литературного произведения речь преподавателя по грамматическому строю, стилю, тону живо напоминала авторскую речь.

Когда это был, скажем, Достоевский, речь Калиберского

становилась динамически напряженной; короткими отрывочными фразами, пользуясь специфическим словарем писателя, учитель искусно передавал смятение чувств героя, открытую неизбывную боль, страдания, лихорадящее состояние тревоги, предчувствие надвигающейся беды. Добротная, густая русская речь, полная несуетливых раздумий, плавное течение мысли, глубокое проникновение во внутренний мир человека, точные детали внешности, к которым не раз возвращается автор, — все это органически входило в гамму речевых средств Николая Николаевича, создавая особый тон на уроках по Толстому.

Поурочные планы

На протяжении всей своей долгой педагогической жизни Николай Николаевич ни разу не позволял себе прийти на урок без плана, хотя, казалось бы, он менее любого другого учителя в этом нуждался. “Поурочный план необходим, считал Колиберский, во-первых, потому, что он дисциплинирует ум, четко определяет объем и содержание изучаемого материала, не позволяет “растекаться мыслью по древу”. Да, конечно, материал урока мне хорошо известен, я давно учительствую. Но ведь этот класс новый, ребята другие, прошел год, и я сам в чем-то изменился. Как же я могу учить по старому плану? Если бы хоть раз повторился в своих уроках, я перестал бы себя уважать. Каждому классу с учетом переживаемого времени — свой урок!”

Урок, во-вторых, должен быть завершенным произведением педагогического искусства, а “служенье муз не терпит суэты”, поэтому каждый урок от начала до конца должен быть продуман и спланирован. Кстати, лишь при этом условии учитель может себе позволить импровизировать. Даже тогда, когда Министерство просвещения разрешило учителям использовать старые планы, внеся в них дополнения, Колиберский этого делать не стал. Помню, была у Николая Николаевича небольшая тетрадка, в которую — тезисами — он сумел вместить в форме, доступной лишь для него, содержание великого романа Толстого. Назывались том, часть романа и номер главы, затем записывалось предельно кратко событие и место, где оно происходило, суть размышлений автора. Выглядело это примерно так:

Том 2-й. Часть 1-я. Глава 1-я. Приезд Николая Ростова в отчий дом вместе с другом Василием Денисовым (начало 1806-го года).

Там же, глава 2-я. Николай Ростов и Соня... Илья Андреевич

озабочен устройством обеда в Английском клубе в честь князя Багратиона.

Там же, глава 3-я. Обед в Английском клубе. Портрет неловкого и застенчивого Багратиона. Восторженный Николай Ростов.

Там же, глава 4-я. Пьер Безухов. Мучительные раздумья: Элен и Долохов. Вспышка гнева. Ссора. Вызов на дуэль.

Там же, глава 5-я. Дуэль. Ранен Долохов. Выясняется: буйн, бретер Долохов – нежный сын и заботливый брат. И т. д.

Увидав эту тетрадочку, спросил я Калиберского, когда и как она заполнялась? “Недавно, во время каникул, – ответил он, – для проверки памяти”.

— По памяти? Без текста?

— Нет, с текстом. Но я открывал первую страницу главы, пробегал глазами первые несколько строк и, сразу вспомнив, о чем повествуется в главе, отодвигал книгу и записывал свои тезисы. Оказывается, память еще довольно прочна.

— Интересно, сколько же раз Вы читали “Войну и мир”?

Он как-то радостно засмеялся: “Не помню, голубчик! Работаю давно, и у меня почти каждый год новые девятые классы. Перед каждым девятым опять читаю – то с начала до конца, то с середины, то с конца к началу, а то и просто – самые дорогие страницы, их очень много”.

Он знал в романах Толстого не только каждую “улицу”, но и любой “закоулочек”, ориентировался в них так, как ориентируется в собственном доме человек, проживший в нем десятки лет. Он помнил и различал любой оттенок, штрих на великолепных полотнах великого художника.

Если бы Качалов вошел в класс...

В шестидесятые годы началось повальное увлечение техническими средствами обучения. Само по себе это направление имело определенный смысл, когда эти средства способствовали интенсификации урока, расширяли возможности учителя в углублении знаний и представлений учащихся на занятиях по физике, химии, математике, биологии, истории, географии, иностранным языкам. Большим подспорьем для учителя явились учебные да и художественные кинофильмы на определенных уроках литературы,

Стоит вспомнить, что самих технических средств обучения производилось крайне мало, ассигнований на эти цели школы почти не получали. Правда, шефствующим над школами предприятиям

разрешено было по-возможности оказывать им материальную поддержку. В конечном счете оснащенность учреждения техническими средствами находилась в прямой зависимости от двух обстоятельств: умеет ли директор школы выступать в унизительной роли просителя и испытывает ли потребность директор завода или председатель колхоза становиться в позу мецената.

Как и в любом деле, начатом из благородных побуждений, у нас нередко появляются сторонники крайностей, способные опошлить идею и довести ее до абсурда. Именно тогда работники народного образования, инспектирующие учителей, а вслед за ними и многие руководители школ стали безаппеляционно требовать, чтобы на каждом уроке, независимо от надобности, непременно применялись какие-нибудь технические средства. Если урок русского языка или литературы проведен даже безупречно, но на нем не включались магнитофон или проигрыватель, достоинства урока перечеркивались.

Надежно вооруженный традиционными средствами обучения, Николай Николаевич настороженно смотрел на попытки насилиственного внедрения в преподавание литературы различных новшеств, считая это прожектерством. Для уроков литературы, говорил он, требуется литература, класс и знающий учитель. Колиберский горько иронизировал по поводу того, что появились учителя словесности, которые с необъяснимым кокетством признаются в неумении красиво писать и выразительно читать. Конечно же, рассуждал он, такому учителю не обойтись без грампластинки, а почерк у него таков, что он испытывает потребность в типографски заготовленных надписях и прописях на все случаи жизни. Но как можно научиться петь, если начисто лишен слуха ты сам, учитель? Какому мастерству ты можешь научить, если сам мастерством не владеешь? Вы только подумайте, возмущался старый учитель: я веду урок, посвященный пушкинской лирике любви, ввожу юношей в мир “чистой красоты”, испытываю при этом сам искреннее волнение, и это состояние учащиеся должны увидеть в выражении моих глаз, в каждом моем движении, почувствовать в моем голосе. Но, в угоду навязанной мне методе, вместо того, чтобы проиллюстрировать выраженную мысль пушкинским шедевром, я, как стреноженный конь, должен круто остановиться, замолчать и ...включить проигрыватель или магнитофон: дальше моих учеников будет учить записанный на пленку или пластинку Качалов.

Что там говорить, Качалов читает лучше меня, и в артистическом соревновании с ним я бы проиграл, если бы он мог... войти в класс. Мастерство великого артиста таится не только в красоте его неповторимого голоса, но и подкрепляется обаянием его внешности, мимикой, движениями. Но ведь Качалова в классе нет, есть только

пластинка, кстати, не всегда удачно воспроизводящая его голос. А я? Вот он, я! И, смею заверить, люблю поэзию, знаю свое дело и недурно, да, да, недурно, читаю стихи и прозу! А Качалов? Я провожу нередко специальный урок поэзии, на котором учащиеся читают стихи любимых поэтов. В начале такого урока мы включаем проигрыватель или магнитофон и слушаем голос В.И.Качалова: он для нас эталон выразительности и артистизма.

Как-то в учительской Колиберский доверительно сообщил: “Нашел в “Советской педагогике” интересную заметку. Знаменитого шведского профессора, педагога спросили: смогут ли в будущем техническими средствами заменить учителя? Смогут, ответил профессор. Если учитель этого заслужит!”

Вне конкурса!

Мы любили в школе зимние пушкинские вечера. Это были воистину праздники национальной культуры. В классах состязались чтецы, лучшие из них отбирались для участия в общешкольном конкурсе. Младшие дети на утренниках инсценировали пушкинские сказки. Старшие подолгу репетировали полюбившиеся места из поэм и сцены из трагедии “Борис Годунов”, писали сочинения, стихи о любви к Пушкину. Юные художники оформляли сцену актового зала, рисовали иллюстрации к произведениям поэта. Школьные музыканты и певцы готовились к исполнению песен, арий, романсов, созданных Глинкой, Чайковским и современными композиторами на пушкинские темы. Праздничный вечер открывался ярким эмоциональным “Словом о Пушкине”. Затем начиналось первое отделение – конкурсные выступления чтецов. Второе отделение состояло из театрализованных представлений, выступлений вокалистов и музыкантов. Вместе с детьми в качестве самодеятельных исполнителей (вне конкурса) нередко выступали и учителя, что создавало на вечерах особую обстановку праздничности и поэтической взволнованности.

Запомнился февральский вечер 1967-го года. Заканчивалось первое отделение. Восхищенный чтением юных чтецов, Николай Николаевич решительно встал и через срединный проход актового зала прошел к сцене, легко поднялся по лесенке на подмостки. Старый учитель скрестил руки на груди, чуть отклонил назад красивую голову, и в мгновенно установившейся тишине зазвучал его густой проникновенный голос:

180 годовщина первой средней школы. Справа – академик Кикоин. Третий - мэр Пскова С.В. Максимов, за ним – Н.Н. Колиберский.

“На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел ...”

И все мы, слушатели, словно наяву, увидели Петра на безлюдном берегу и задумались над величием его замысла. А меж тем, голос чтеца уводил нас все дальше из уютного школьного зала в волшебный мир поэтического искусства, в котором величайший поэт России воспел исторические свершения её великого преобразователя. Колиберский читал сдержанно, строго, жесты чтеца были скучными, почти незаметными. Но вот он опустил руки вниз, шагнул чуть вперед:

“Прошло сто лет, и юный град,
Полнознных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...”

В голосе чтеца появились ликующие торжественные нотки, он зазвучал мощно, раскованно. Учитель приподнял руки, словно готовясь кого-то заключить в объятия:

“Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит ... “

Но вот вступление прочитано, и Николай Николаевич переносит нас на осенние улицы Петербурга, залитые волнами взбунтовавшейся стихии. Вместе с ним мы испытываем боль и горечь из-за страшной трагедии, выпавшей на долю Евгения и его бедной Параси. Незаметно в голосе чтеца, только что звучавшем трагически и печально, появляется твердость, как это бывает с сильным человеком, пережившим большое горе, когда он начинает осознавать, что утрата невозвратима, надо смириться, жизнь продолжается. И мы, сопереживая, искренне сочувствуя “маленьким людям”, понимаем, насколько тщетны попытки остановить “тяжело-звонкое скаканье” “кумира на бронзовом коне”, “того, чьей волей роковой над морем город основался”...

Вся поэма “Медный всадник” от первой до последней строки была прочитана как бы на одном дыхании, без единой запиночки, наизусть. А ведь Колиберскому в ту пору исполнилось семьдесят лет!

* * *

Когда живешь рядом с человеком, чей талант радует, восхищает, кажется, что так будет всегда. Невольно забываешь: все мы подвластны времени. Мы часто встречались, были дружны, подолгу беседовали, обсуждали те или иные явления нашей жизни, ущербность программ по литературе и равнодушную заумь учебных пособий. Не раз говорил себе: надо попросить старика прочитать весь курс русской литературы – от “Слова о полку Игореве” до Чехова и Горького, а самому засесть рядом с магнитофоном. Этой ленте, переделанной на учебник, цены не было бы! Много раз задавался я такой целью, но так ее и не осуществил. Однажды я завел разговор с Колиберским о том, что ему надо написать учебник литературы. “Голубчик, – ответил старый учитель. – Вы переоцениваете мои возможности! Я ведь писать не умею”. Конечно, он излишне взыскательно судил себя, но в его словах была и доля истины: свои мысли на бумаге Николай Николаевич излагал не так свободно и ярко, как делал это устно.

...В последний раз я видел Н.Н.Колиберского 24-го ноября 1981-го года вечером. Он лежал в больничной палате в глубоком инсульте.

Парализована была одна сторона тела, отказали речевые центры. Он был в сознании, быстро узнал меня. В его прекрасных глазах не различил я ни отчаяния, ни страха; они, прощаясь, излучали доброту и грусть.

Назавтра его не стало.